

Текст · 3 августа 2021, 08:25

Никита Сологуб,

«Раз не выдержал пыток, значит, правда». История Аслана Хута — обвиненного в двойном убийстве, дважды приговоренного к расстрелу, выжившего и уже 47 лет добивающегося справедливости

20 лет назад автодорога Энем — Белореченск была гравийной. Сейчас это трехполосная трасса. Свернув с нее на проселок, можно попасть в адыгейские аулы Понежукай и Вочепший.

У многих местных жителей одинаковые фамилии — Нехай, Кушу или Пшедаток, по названиям адыгейских родов. В плохую погоду проходишь в сторону аулов сто метров — и ноги уже испачканы по колено.

Раньше там, где сейчас трасса, стоял одинокий дом. Во время гитлеровской оккупации Адыгеи он привлек внимание карательного отряда из перебежчиков. Жившую там семью, пятерых адыгейцев, заподозрили в связях с партизанами и повесили.

«Одна молодая девочка беременна была. Вережка лопнула. Ее повесили заново, а потом разрезали живот — посмотреть, жив ли плод, — говорит глава Вочепшего Аслан Пшедаток. — А так у нас тут убийств не бывает. Только суициды — мы первые по этому показателю среди других аулов».

Убийств в ауле не случилось, говорит Пшедаток — до 1974 года. Когда за это преступление осудили кудрявого жизнелюбивого шофера Аслана Хута, ему было 22.

Теперь адыгейцу 70 лет — он стар и жалуется на сердце. Говорить об уголовном деле ему до сих пор тяжело. Описывая пытки, он со слезами на глазах подолгу смотрит в одну точку. Его брат Руслан — он на шесть лет младше — приносит корвалол.

Братья сидят перед стареньким компьютером в квартире младшего Хута в Майкопе. Полки в комнате завалены томами уголовного дела и ответами чиновников, рабочий стол — обращениями и их черновиками. «Москальковой^[1] — более десятка писем, Михаилу Федотову^[2], "Московская Хельсинкская группа", телеканал "Дождь", "Пусть говорят", "Человек и закон", — перечисляет младший брат. — Кому мы только не писали, и все нет ответа».

«Я долго верил в судебную систему — даже после второго приговора, — добавляет Аслан. — Но сейчас веры уже нет — сколько раз ездил я в Москву, сколько в Генпрокуратуру, и с братом, и без него, и на личные приемы, и ко всяким уполномоченным — вроде бы встречают нормально, беседуют, выслушивают, соглашаются, обещают разобраться. Потом через некоторое время, когда уже возвращаешься домой, ответ приходит: "Как вам ранее сообщалось...". Стандарт. Отписка. А ты ведь каждый раз ждешь, переживаешь, надеешься, на здоровье это тоже влияет. Нехорошая это система».

За рулем старой «Приоры» он едет на проселок, ведущий к родному аулу, чтобы показать корреспонденту «Медиазоны» место, в котором его жизнь когда-то разделилась на две части. Пейзаж невзрачный: следы от грузовых машин в грязи, степь и кустарники. Взгляду зацепиться не за что, но Аслан Хут сразу ведет к месту, где нашли тела.

«Каждый день, каждую ночь, со дня этого убийства я все время думаю — ну почему я? — задается он по пути вопросом. — Как жизнь бы моя сложилась, если бы они с самого начала не пошли по ложному пути? Уже все болезни заработал — сердце ведь не железное — а думать об этом никак перестать не могу. Ну почему, почему я?».

За убийство на проселочной дороге его приговаривали к расстрелу дважды.

1. Уполномоченная по правам человека Татьяна Москалькова.
2. Бывший уполномоченный по правам человека.

Аслан Хут. Фото: Никита Сологуб / Медиазона

Ночная шутка

Трое друзей вечером смотрели телевизор и легли спать — каждый у себя дома. Такие показания они дали и следователю, когда на проселочной дороге нашли тела их приятелей.

27 июля 1974 года в Адыгее шел сильный ливень. Полевые работы в совхозе «Псекупс» пришлось приостановить. Совхозные шоферы остались в гараже — директор сказал, что выезжать в непогоду нет смысла, лучше заняться ремонтом техники.

Дождь поутих только наутро. Работы возобновились. Вечером 22-летние Аслан Хут, Асланбий и Насрудин — трое коллег по совхозу, соседей и просто друзей — решили посмотреть передачу^[1] «Кабачок "Тринадцать стульев"». Гостей принимал Насрудин.

После программы друзья пошли в комнату пить чай. В какой-то момент в дверном проеме показалась чья-то голова. Друзья не удивились — запирается в ауле было не принято. Нежданным гостем оказался еще один их ровесник и шофер, Аслан Нехай. Чаевничавший Аслан Хут был не только его тезкой, парни и внешне были похожи — кудрявые, черноволосые, примерно одного роста, коренастые, с темными глазами.

«Ребята, представляете, у меня машина перевернулась!» — с заговорщицким видом сказал гость, заглянув в комнату. Дом Аслана Нехая стоял на склоне, поэтому друзья поверили, что машина действительно могла сползти.

Шоферы вышли на улицу. Оказалось, что грузовик стоит на дороге. «Вот же твоя машина, а ты говоришь, что перевернулась...» — растерянно произнес Асланбий, единственный, кто не заметил, что Аслан Нехай был навеселе. Ухмыльнувшись, шутник пошел в сторону своего грузовика. В кабине его ждал друг, 25-летний Юсуф Нехай.

Мимо, в нескольких десятках метров, проходил молодой тракторист Рамазан. Смотревшая телевизор тройца раньше много общалась с ним. Потом приятель подхватил туберкулез, долго лечился, а как поправился — женился.

Рамазан людей в машине не разглядел, но догадался, что за рулем Аслан Нехай: того прислали в совхоз из Краснодарского края, он приезжал в Вочепший на выходные, а его машина ^[2]была в ауле единственной с высокобортным кузовом, под уборку урожая. Когда грузовик уехал, Рамазан подошел поздороваться со знакомыми, а те рассказали ему о странной выходке.

Поболтав, молодые люди разошлись по домам. Перед сном Аслан и Руслан Хут нарушили запрет отца и стали смотреть телевизор: там показывали концерт тогдашнего кумира адыгейцев Заура Тутова.

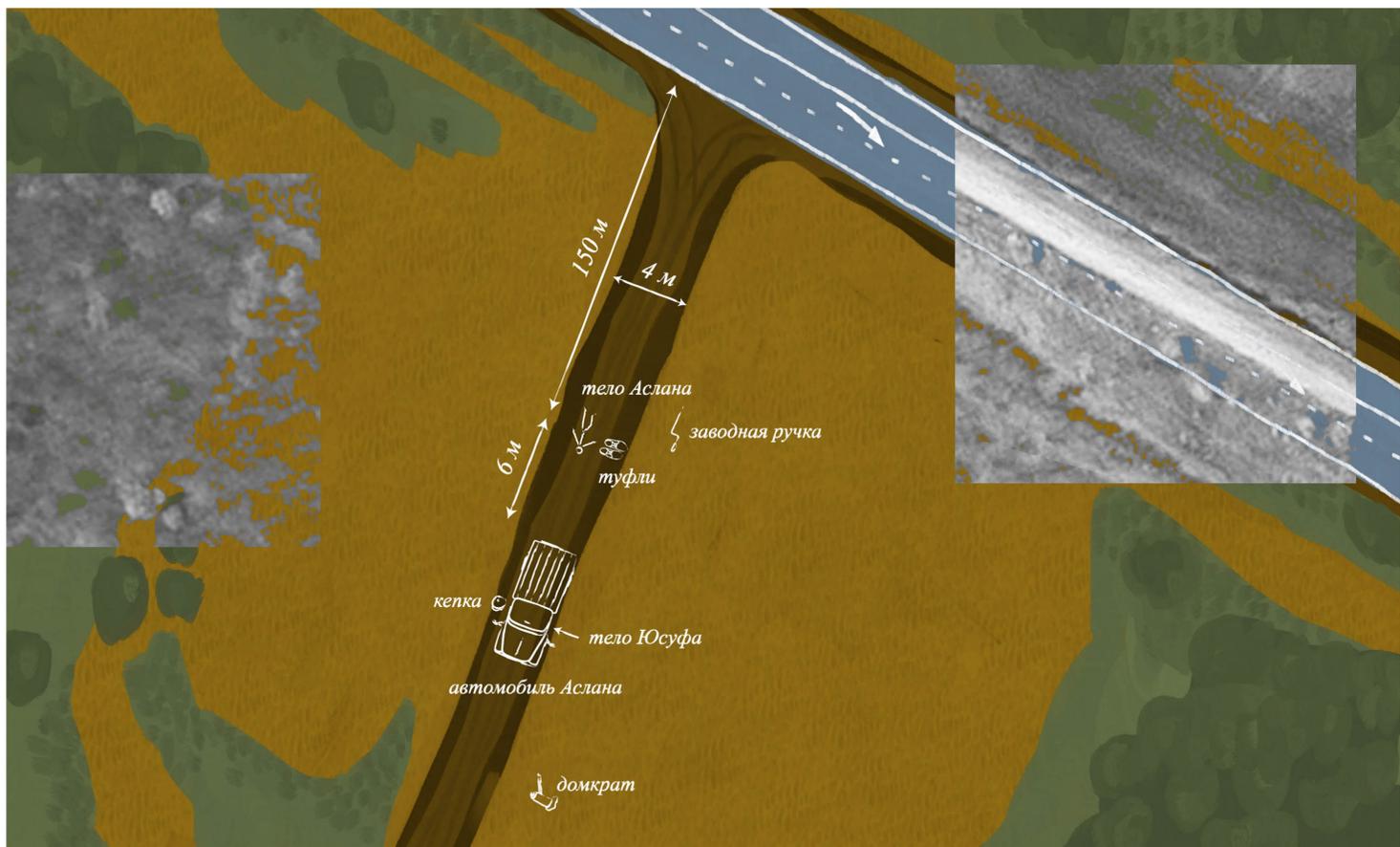

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Тела на дороге

Тело Аслана Нехая находят на проселочной дороге рядом с его грузовиком. Его друг Юсуф лежит в кабине, без обуви и с садинами на лице. Друзья убиты одним ножом. Все вещи на месте. Первые улики оценивает едва вступивший в должность следователь Чесебиев.

Машину Аслана Нехая нашли утром на проселочной дороге. Шофер лежал на спине в нескольких метрах от грузовика. Глаза открыты, рубашка в крови, в груди — рана, как записал милиционер в протокол, «веретенообразной формы длиной в три сантиметра».

Тело Юсуфа было на пассажирском сидении. Дверь рядом с ним слегка притворена — голова убитого опиралась на нее, в ту же сторону свисали руки и ноги. Водительская дверь открыта настежь. Брюки Юсуфа, особенно на коленях, запачканы кровью. Удар ножом пришелся в живот.

В протоколе милиционер обратил внимание сразу на несколько необычных обстоятельств.

Юсуф был в кабине без обуви и носков. Почти в метре от второго тела валялись ботинки в крови и грязи.

Машины тех лет комплектовались «кривым стартером» — ручкой для запуска двигателя, если сел аккумулятор. Ее тоже нашли вне кабины, в траве в двух с половиной метрах от тела шофера с пятнами крови на рукоятке.

Под правой подножкой машины, между задним и передним колесом, лежала темно-синяя поношенная фуражка. К ней прилипли светлые волосы, хотя оба погибших — брюнеты.

Когда милиционер закончил писать, на дороге уже собралась толпа. Услышав небывалую для здешних мест новость, любопытные просили шоферов подбросить их. Одним из зевак стал и Аслан Хут, тезка убитого. Он сразу узнал коллегу, шутке которого удивлялся накануне.

Кинолог отпустил служебную собаку. Обнюхав тела, она прошла почти на сто метров в сторону гравийной дороги, но развернулась. Безуспешными были и попытки найти орудие убийства — ни в тот же день, ни через неделю, когда семь десятков местных жителей метр за метром прочесывали местность. После осмотра тел эксперт заключил, что искомый клинок был с односторонней заточкой и «конструктивными особенностями».

Уголовное дело досталось 38-летнему следователю Заурбию Чесебиеву. Он был рослым, вспыльчивым и амбициозным, но не слишком опытным — всего два года работы — поэтому жаждал возможности проявить себя.

Из экспертизы он узнал, что молодые люди погибли в промежутке с 23:00 28 июля до 3:00 29 июля. В крови обнаружился алкоголь в количестве, соответствующем легкой степени опьянения. Удар ножа Аслану Нехаю попал в предсердие, Юсуфу — в брюшную стенку. Хотя у пассажира насчитали пять ссадин на брови и столько же на носу, 17 ссадин на щеке и подбородке, царапины на предплечье и пальцах рук, эксперт почему-то написал, что следов, указывающих на возможную борьбу или самооборону, нет.

Оба умерли не мгновенно. Аслан Нехай после ранения мог «самостоятельно передвигаться в очень короткий промежуток времени на незначительное расстояние, измеряемое метрами», заключил эксперт, а Юсуф и вовсе «совершать любые осмысленные действия — передвигаться, кричать».

Вещественные улики в первые дни расследованию не помогли. Кровь на ручке стартера принадлежала погибшему Аслану Нехаю. У Юсуфа был 44 размер обуви, из-за высокого мыса стопы он носил туфли без шнурков — а найденные рядом ботинки были 43-го и со шнуровкой.

Не подошла убитым и обнаруженная милиционерами кепка. Она оказалась очень

маленького 43-го размера, в то время как у погибших был 48-й.

Поскольку подозреваемых в деле еще не было, эксперт не стал исследовать найденные светлые волосы — сравнить их было не с чем.

Чужаки и драки

Аульчане рассказывают следователю о своих подозрениях. Некоторые показания — о чужаках, интересующихся милиционерами на дороге или чьей-то машине, стоявшей у места убийства — кажутся интересными, но Чесебиеву до них дела нет.

После убийства многие аульчане стали приходить в прокуратуру, не дожидаясь повесток. Всем казалось, что они что-то знают. Большинство пеняли на чужаков и с упоением рассказывали Чесебиеву об их поведении.

Одни заприметили неместных среди посетителей единственного на оба аула ресторана, что в центре Понежукая. Муж официантки говорил, что видел там пятерых незнакомцев. Сама официантка насчитала шестерых, а то и семерых приезжих.

Другие видели подозрительных чужаков рядом с местным клубом. Пожилая женщина вспомнила, что вечером перед убийством застала пьяную компанию из пяти-шести молодых людей, которые громко матерились на несвойственном аулу диалекте адыгейского.

Рассказал о пьяной компании и охранник местного Дома быта. Он увидел ее позже, за час до полуночи: молодые люди шли от ресторана и спорили; один ударил другого и тот упал; раздался крик «Дай нож, я его убью!». Но до драки не дошло — напавший ретировался первым, а остальные запрыгнули в кузов грузовика с высокими — как у убитого Аслана Нехая — бортами, уверял охранник.

Сперва в голову Чесебиеву пришла идея восстановить передвижения Аслана Нехая за последние сутки. Он узнал, что вечером тот виделся с компанией приятелей — вместе они пили вино, ели консервы, купались на речке, потом Аслан и Юсуф поехали к себе домой. Вернулись друзья выпившими водки и одетыми «как на выход», вспоминали их знакомые. Когда решили разъезжаться, после девяти вечера, Аслан взял троих друзей в машину, но на повороте из аула всех высадил. Двое пассажиров на допросе припомнили: шофер говорил, что собирается к какой-то девушке.

Тогда Чесебиев предположил: кто-то мог не видеть, но хотя бы слышать машину убитого — рев двигателя грузовика для уборки урожая в поздний час сложно было не заметить. Сперва он спросил об этом у сторожа совхозного гаража^[3]. Оказалось, что под вечер тот уснул и мотора не слышал.

О похожем на грузовик шуме вспомнил охранник совхоза^[4], который около десяти вечера ехал на лошади через поля. Охраннику показалось, что звук доносился со стороны трассы. Тогда он подумал, что едет «пьяная компания, которая на адыгейском

языке распевает свадебную песню». Немного позже шум усилился, будто машина поехала по степной дороге. Случилось это как раз у поворота в сторону Вочепшего, где нашлись тела, уверял свидетель.

Еще один свидетель, диспетчер автопарка^[5] совхоза, рассказал, что доступ к автомобилям в нерабочее время был только у него. В тот вечер он брал совхозную машину, чтобы съездить в больницу к жене. Вернувшись, пошел в ресторан перекусить, но заведение уже закрылось. Когда свидетель собирался уезжать, из-за забора выскочили двое мужчин и попросили отвезти их в соседний аул. Он отказал.

Десятью минутами позже диспетчер проезжал мимо поворота на проселочную дорогу. Он обратил внимание на легковую машину, стоявшую рядом, но марку не разглядел. Видел машину рядом с местом убийства и газовик из соседнего аула — ему показалось, что это «копейка»^[6].

После беседы с диспетчером Чесебиев допросил местную буфетчицу^[7]. Она пересказала разговор с нанятым для доставки помидоров в Краснодар шофером^[8]: еще до того, как мужчине стало известно об убийстве, тот вспомнил, что вечером у поворота на проселочную дорогу его остановили «какие-то парни». Они спрашивали, работает ли за аулом Понежукай пост ГАИ. Шофер ответил, что поста там давно нет, и спросил о причине такого интереса.

В ответ незнакомцы нагрубили: «Какое ваше дело?». Со слов шофера выходило, что эти люди были

«взволнованы, чем-то озабочены, имели рассеянный вид», а передвигались на светлом «Москвиче», говорила буфетчица.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Водителя, разговор с которым пересказала буфетчица, Чесебиев искать не стал. Шофер уже уехал из аула, поэтому следователь попытался выйти на преступника другими, более простыми способами — например, показал каждому жителю найденную кепку (ее никто не узнал, а единственный на сотни километров мастер по пошиву головных уборов сказал, что видит такой фасон впервые) и отправил в окрестные больницы запросы о пациентах с травмами (таких оказалось много, но причины были бытовые).

Ни у одного местного жителя мотива на убийство не имелось. Но тут в деле появилась Сара.

Сара

Чесебиев узнает, что Аслану Хуту и убитому Аслану Нехаю нравилась одна и та же девушка — Сара Уджуху. Следователь делает вывод: мотив для убийства очевиден.

Приятель Аслана Нехая рассказал на допросе, что погибшему приглянулась девушка из аула Асокалай, гостившая в Вочепшем у своей сестры. Отдыхавшие вместе с убитым в тот вечер тоже говорили, что тот мог поехать к девушке. Единственной молодой аульчанкой из Асокалая, чья семья жила в Вочепшем, оказалась 18-летняя Сара Уджуху.

Сара вернулась в Асокалай только через три дня после убийства — она ездила в Харьков продавать помидоры. Один из знакомых рассказал новости: убит ее «жених из аула Вочепший». Она сразу подумала об Аслане Хуте, а не погибшем Аслане Нехае. Хут действительно несколько раз приезжал к ней свататься, о существовании Нехая она даже не подозревала.

«Убитого я знала очень мало, видела его всего лишь раза три», — рассказывала она на допросе, еще не понимая, о каком именно Аслане идет речь.

Сара говорила, что молодой человек познакомился с ней в Вочепшем, когда та гостила у сестры, а затем дважды приезжал к девушке в Асокалай — и один, и со своим приятелем Насрудином.

«Он, Аслан, предлагал мне выйти за него замуж. В общем, разговаривали, как обычно говорят молодые люди», — вспоминала Сара.

Когда девушке исполнилось **16 лет**, ей специально отводили комнату, называвшуюся «пщъэшъэунэ» (девичья комната). В ней молодежь развлекалась,

слушала музыку, пела песни. К девушке свататься приходило много юношей. Бывало, что два, три мужчины настойчиво добивались ее руки. Свататься к девушке приезжали и молодые люди из других аулов. Многие парни посещали девушку **просто для времяпрепровождения**, сватались к ней в шутку. Парень ходил свататься к девушке обычно вечером. Он мог встретить ее и поздней ночью, и **это не считалось неприличным**.

М. А. Меретуков, «Ученые записки Адыгейского научно-исследовательского института экономики, языка, литературы и истории», Майкоп, 1971 год. Из главы «Формы заключения брака».

Насрудин подтвердил, что приезжал к Саре с Асланом Хутом. В адыгейских обычаях участие друга было обязательным — он должен был начинать разговор, а самому жениху оставалось лишь произнести сватовскую формулу: «Сшьхэрэ спкъиплыркіэ шу уельэгъугъ»^[9].

Сам Аслан Хут сказал, что бывал у девушки и с другими приятелями — Асланбием и Рамазаном. На брак Сара не соглашалась — говорила, что хочет закончить вуз.

Через неделю после убийства Чесебиев провел очную ставку между Сарой и Асланом Хутом. «А мне сказали, что тебя убили? Кого же тогда убили, я никакого другого Аслана с Вочепшего вообще не знаю!» — вспоминает сейчас Хут реакцию девушки.

Узнать, пытался ли встретиться с Сарой перед гибелью другой Аслан — Нехай — уже невозможно.

Но ее мать помнит, что за час до полуночи вышла во двор на лай собаки и увидела двоих незнакомцев, которые поинтересовались, где девушка. Узнав, что та в Краснодаре, они ушли. Разглядеть лица женщина не успела. Ее более внимательная соседка, ставшая случайным свидетелем короткого разговора, заметила, что у машины рядом с домом был высокий кузов, как у грузовика Аслана Нехая.

Следователь Чесебиев оказался перед выбором: искать приезжих или найти подозреваемых среди местных жителей. «Горячие» следы уже ускользнули, а связь погибших, Сары и четверых приятелей во главе с Асланом Хутом для Чесебиева стала очевидной.

Тогда карьерист решил пойти по простому пути.

Первое признание

Насрудин исчезает в РОВД и пишет явку с повинной. В ней Юсуфа убивает Асланбий, а Аслана Нехай — Аслан Хут.

На двенадцатые сутки после убийства Чесебиев арестовал^[10] Насрудина по обвинению^[11] в

пособничестве в убийстве. В своем постановлении следователь написал фразу, которая и сейчас кочует из одного ходатайства об аресте в другое: «Будучи на свободе, может совершить новое преступление и скрыться от предварительного следствия и суда».

Но исчез Насрудин за три дня до ареста — после того, как его пригласили на беседу в Теучежский РОВД^[12].

На следующий день он написал явку с повинной — в документе сказано, что в милицию он пришел сам.

В явке с повинной говорилось, что, когда Аслан Нехай и Юсуф уехали, смотревшие телевизор приятели не стали расходиться по домам. Вместо этого они сели в припаркованную рядом с домом Аслана Хута машину и поехали в Асокалай к Саре. Увидев, что в ее доме уже не горит свет, друзья развернулись.

У поворота на Вочепший они увидели Аслана Нехая и Юсуфа. Решив, что те тоже ездили к девушке, Хут остановил машину. Знакомые были сильно пьяны. Когда Насрудин сказал, что они едут из Асоколая, на него посыпались оскорбления, затем Юсуф набросился на него, а Аслан Нехай — на своего тезку Хута.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Началась драка. В какой-то момент Юсуф занес над Асланбием ручку стартера, которую позже найдут на месте убийства измазанную кровью. В ответ Асланбий ударил оппонента ножом и отбросил его, а Аслан Хут поднял и нанес еще один удар, второму противнику.

«Откуда появился нож, я не знаю — лично у меня ножа не было, и у моих товарищей я его не видел. После этого мы быстро сели в машину и поехали домой. Я, в том числе мои товарищи, думали, что Юсуф и Аслан приедут домой. На другой день от управляющего я узнал, что Аслана и Юсуфа нашли мертвыми», — говорилось в явке.

Содержание этой явки Насрудин почти дословно повторил в тот же день на магнитофонную ленту^[13] на допросе в качестве свидетеля и нарисовал план-схему. Дома у него прошел обыск. Милиционеры изъяли нож длиной 28,5 см, не уточнив, где именно лежал клинок.

Неделю после ареста Чесебиев больше не виделся с Насрудином. За это время Аслан Хут, Асланбий и Рамазан тоже признались в убийстве.

Из речи адвоката Аслана Хута Алексея Чернова в прениях:

«Хут Аслан в процессе следствия признавал свою вину в совершении данного убийства. Признавал свою вину и Нехай Рамазан, и Нехай Насрудин, но **в главных деталях их показания расходятся**. Нехай Рамазан сначала отрицал поездку в Асокалай. Хут Аслан в своих признательных показаниях показал, что после совершения убийства они взяли потерпевших, так как они были живы, поместили их в машину и повезли в больницу, но **обнаружили, что они оба мертвы**, привезли их опять на то место и оставили. Эти показания не являются признательными показаниями, **это явно все придумано**».

Пытки

В КПЗ^[14] задержанных бьют и морят голодом. Об этом знают не только следователь и милиционеры, но и прокуроры.

В день ареста Насрудина милиция пришла к Аслану Хуту. Как и в случае с приятелем, сначала его тоже вызвали на беседу. За воротами РОВД милиционеры набросились на него и пинками загнали в КПЗ. Били по туловищу, не оставляя следов, затягивали наручники и не давали воды.

«В камере при этом сидят двое, и говорят: "Ты бы лучше сказал, как они хотят, так до суда и доживешь, а суд уже разберется, а не признаешь — тебя ведь могут и убить". И действительно — вызывают туда, в кабинет, выводят в отдельную комнату, и действительно бьют, да бьют хорошо — так, что думаешь, что правда могут», — вспоминает он.

Хут написал явку с повинной 11 августа. На допросе милиционеры были пьяны. «Пришли двое — холеные, здоровые. Начали сразу, как вошли, по голове бить, по почкам — куда только не били. Один вообще не мог остановиться, это был ужас. Второй был чуть спокойнее. Когда только спокойный остался — второй ушел — я попросил воды, тот дал. Второй приходит, видит, что воду пил, и [давай кричать]: "Ты что, ему воды дал, что ли?". Что осталось, мне вылил в рожу», — с обидой говорит Хут.

В два ночи в кабинет пришел замначальника РОВД Кермет Хуако. «Готов?» — спрашивает. «Готов, все что хочешь напишет!» — пересказывает Хут его разговор с подчиненным.

Итогом многочасового допроса стал рукописный документ без даты. Чтобы Хут написал его, милиционеры несколько раз читали вслух явку с повинной Насрудина. Но в документах все равно осталось множество расхождений. Так, если признание Насрудина обрывалось после убийства, то Хут добавил последующие события: как аульчане повезли раненых в больницу, но по пути поняли, что те мертвы и бросили машину, вытащив одно тело из салона.

Свое признание в тот день написал и Рамазан. В его версии оба убийства совершил Аслан Хут, без участия остальных.

Даже после того, как явки с повинной были получены, допросы с пристрастием продолжались, говорит Хут — он до сих пор помнит боль и унижения. «Когда тебя унижают ни за что — это больнее, чем боль физическая. Подходит к тебе [милиционер], и ни с того ни с сего под бок, или по голове. А ты ничего не можешь сделать, ничего не можешь ответить. Это не унижение?» — возмущается бывший арестант. «Закон для тебя — это я. Мне закон — дышло. Я могу и так повернуть, и так повернуть, как хочу — так и сделаю», — вспоминает он слова следователя Чесебиева.

16 августа в КПЗ к Хуту приехала целая делегация: с Чесебиевым были районный прокурор^[15], помощник-

[16] областного прокурора, замначальника РОВД-

[17] и его подчиненный, старший инспектор^[18].

Перед очередным допросом районный прокурор побеседовал с Хутом privately.

«Он говорит: "Вот ты признался, и дальше так и признавайся, иначе я тебе гарантирую смертную казнь!". Я говорю: "Ну не в чем ведь мне признаваться, ну ищите тех, кто это сделал! У вас же ничего нет на меня и не может быть, я там не был". — "А я искать никого не буду, одних показаний твоего друга Рамазана хватит, а он своих показаний не изменит". И действительно, не понадобилось», — говорит Аслан Хут.

Когда после допроса Хута вели обратно в камеру, беседовавший с ним районный прокурор крикнул вслед: «Чтобы ни воды ему, ни еды!». Но один из конвоиров оказался сердобольным и давал шоферу остатки от передачек другим задержанным.

Картина

Арестованные дают показания раз за разом до тех пор, пока следователям не удастся составить единое непротиворечивое повествование.

Дальнейшие допросы добавили в картину преступления, составленную следствием, детали.

Насрудин объяснил, как в его доме оказалось орудие убийства: якобы его передал Асланбий, когда по возвращению домой Хут загонял грузовик в совхозный гараж. Молодой человек не придумал ничего лучше, чем спрятать нож в шкафу.

Участвовавший в изъятии ножа понятой сказал, что сталь была блестящей — но Насрудин добавил деталь о том, что успел помыть его, лишь через несколько допросов. Исправив одну ошибку, тут же добавил другую: рассказал, что, загоняя машину Хута в гараж, молодые люди встретили диспетчера Аскера. Сам Аскер такого не помнил.

Чесебиев давил на свидетеля-диспетчера, чтобы тот сменил показания, уверяет Хут. «Сколько раз его вызывали в Майкоп^[19], жизни ему не давали, все советовали: "Чего ты не идешь навстречу ребятам, оперативным работникам, скажи ты, как им надо!". Он говорил: "Как я могу идти на встречу, когда я не видел никого?". Он с телогрейкой ходил на эти допросы, потому что ему обещали, что в КПЗ посадят», — говорит пенсионер.

На ноже из дома Насрудина эксперты и вправду нашли следы крови — но не поняли, человека или животного. Связать арестантов с преступлением могла бы, к примеру, экспертиза волос из кепки, найденной под машиной, но специалист отказался сравнивать их с волосами аульчан, сославшись на сложность и дороговизну такой процедуры.

В отсутствие других доказательств Чесебиев принял еще две явки с повинной от Рамазана. Аслан Хут до сих пор называет его не иначе как «лжесвидетелем». Тогда картина преступления стала стройнее. Именно версия Рамазана и вошла в обвинительное заключение. В ней события на проселочной дороге выглядели как сцена из плохого боевика.

Хут приехал в гости к Насрудину на служебном грузовике. Посмотрев телевизор, он предложил друзьям поехать в Асокалай, чтобы помешать Аслану Нехай встретиться с Сарой, которую считал своей девушкой. С собой Хут взял нож, никому не сказав об этом. По пути шоферы подобрали Рамазана. О том, куда едет, он не знал и решил, что приятели просто хотят покататься.

Не застав Сару и вернувшись обратно, Аслан Хут заметил машину Аслана Нехая, резко обогнал ее и преградил путь. Нехай попытался объехать преграду, но Хут на ходу зацепился за машину, залез в кузов, подобрался к кабине и стучал по стеклу, пока оппонент не остановился. Спрыгнув на землю, он бросил кепку в сторону — она улетела под грузовик — вытащил соперников из кабины и зарезал обоих. Умиравший Юсуф на коленях заполз обратно в кабину, по пути потеряв ботинки. Нехай остался лежать на дороге.

Две дюжины садин на теле Юсуфа, разница между ступнями погибшего и размером ботинок на месте преступления, светлые волосы в кепке и ее маленький размер в обвинительном заключении никак не объяснялись.

Насрудин и Хут отказывались от признательных показаний почти через три месяца после ареста, признаний от Асланбиа добиться не удалось. Когда следователь спросил Хута, почему тот не рассказывал о пытках прокурору, тот ответил^[20]: «Это была моя ошибка».

В последней редакции Чесебиев вменил Хуту убийство двух и более лиц^[21], Асланбию и Насрудину — соучастие^[22] в нем, а Рамазану — лишь недонесение о преступлении^[23].

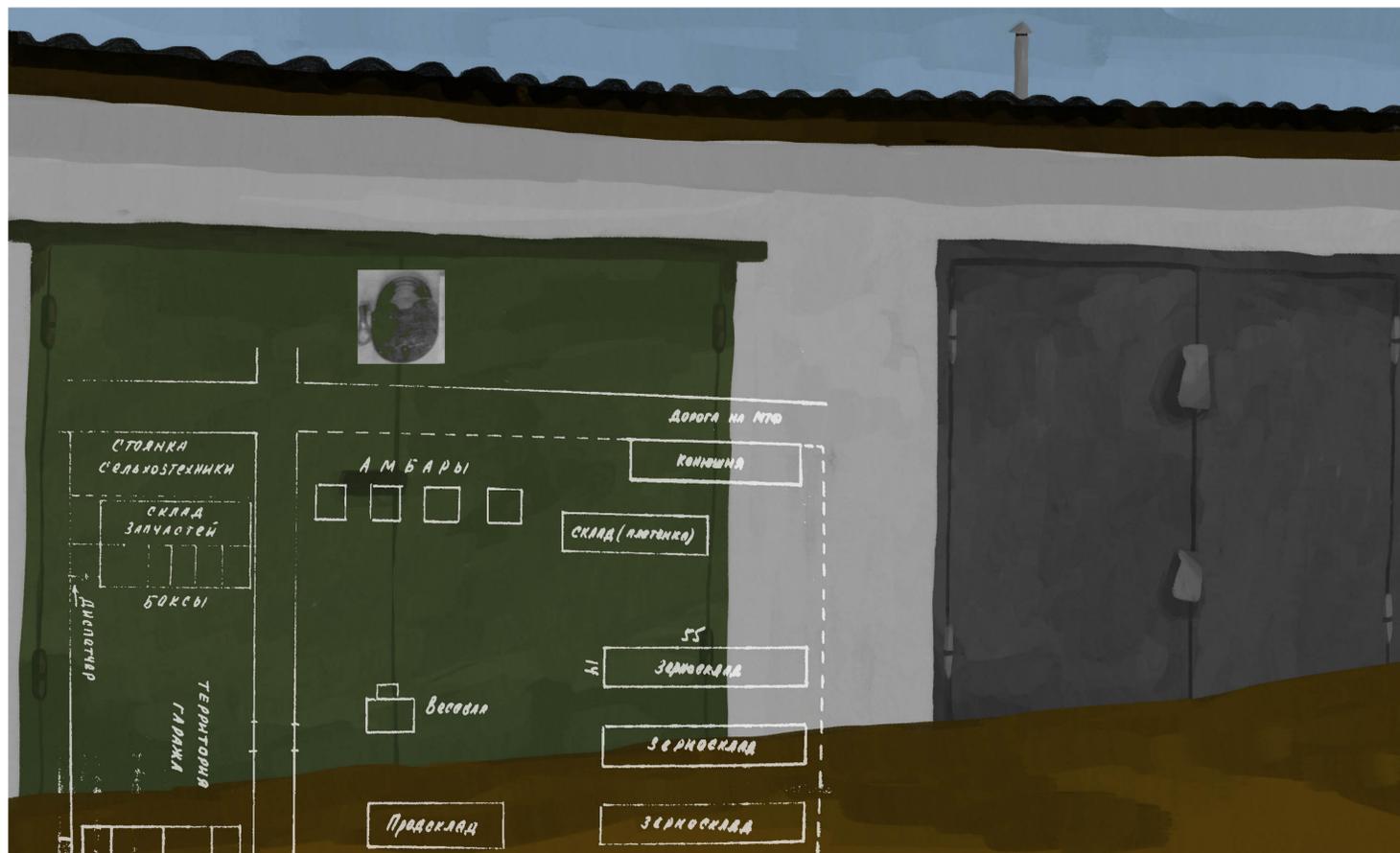

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Процесс

Обвиняемых судят в столице Адыгеи. Все, кроме Рамазана, рассказывают о пытках. Хута отправляют на расстрел.

Семья Аслана Хута узнала о праве на адвокатскую защиту, лишь когда кончилось следствие.

Родственники наняли адвоката Алексея Чернова.

«Нас же как учили — есть милиция, есть суд самый честный и гуманный, поэтому такого, что с решениями органов можно спорить как-то, нам и в голову не приходило, — вспоминает Хут. — Чернов — хороший был мужик, очень здраво рассуждал. Но когда он посмотрел это дело, он сразу сказал, что работать, скорее всего, будет невозможно».

Из заявления коллег обвиняемых по совхозу Псекупс, под которым подписались 190 человек: «Выступавшие выразили общее мнение коллектива о том, что **нет места убийцам на нашей земле**. Просим областной суд Адыгейской автономной области вынести убийцам самый строгий приговор — **расстрел**. В нашем социалистическом обществе созданы все условия для всестороннего развития личности каждого человека. У нас нет социальных условий для совершения преступлений. Убийцы являются **отщепенцами нашего общества** и им нет места в наших рядах»

На первое заседание адвокат Чернов пришел с объемным ходатайством о возвращении дела в прокуратуру. Он просил узнать, можно ли было войти в совхозный гараж без ключа, выяснить, мог ли сторож видеть и слышать, как из гаража выезжает машина, найти обладателей туфель и фуражки или провести повторную биологическую экспертизу по крови на ноже из дома Насрудина. Коллегия отказала.

Насрудин в суде рассказал, что собственноручно писал показания, но делал это под диктовку. «Все это — неправда, все это состряпали следователь и Нехай Рамазан», — объяснял он^[24].

Аслан Хут сообщил, что милиционеры били его и заставляли учить показания Насрудина, в том числе в присутствии следователя Чесебиева. О том, что поначалу его заставляли признать вину, сообщил и Асланбий Нехай.

«Я 10 дней сидел в КПЗ, не зная, за что. Мне говорили, что я убил, говорили, чтобы я признавался, угрожали пятнадцатью годами, говорили, что в тюрьме сгноят... Один майор ударил меня по черепу. Все говорили, чтобы я признавался, но мне не в чем было признаваться. Потом бить меня перестали, но на допросах, которые длились сутками, я должен был стоять, в то время как Рамазану Нехай даже разрешалось прилечь», — сетовал он.

Рамазан пересказал свои признания в мельчайших подробностях: он даже назвал количество швов на найденной на месте преступления фуражке, которую, по его версии, носил Аслан Хут. В рукописных протоколах судебных заседаний его рассказ выглядит последовательным, но, по словам Аслана Хута, на самом деле допрос «лжесвидетеля» проходил вовсе не так.

«Там написано, как будто он наизусть все говорил, с первого раза: "Рамазан в ответ на вопрос такого-то отвечает...". А на самом деле, например, адвокат наш спрашивает: "Когда вы расходились, нож как ты получил?". Тот сначала говорит, что дал Асланбий, потом, что Хут. "А откуда он его достал?". — "Он его достал из пиджака". — "А откуда пиджак, если он в рубашке поехал?". Потом этот Рамазан начинал плакать, и сразу суд отменял вопрос, объявлял перерыв. Если он так и не мог ответить, суд снимал вопрос. А если мог, то этот ответ уже входил в протокол, без указания о перерыве», — объясняет он.

Все обвиняемые, за исключением Рамазана, называли одни и те же фамилии милиционеров, применявших

к ним насилие — Юнус Хурай и Кермет Хуако. Суд допросил и их. Милиционеры заверили, что лишь беседовали с обвиняемыми.

«Применяли недозволенные методы, били? Они с усмешкой на меня поглядывают: "Нет, все было по закону. Хут добровольно писал, он мог кричать, звать на помощь, в рабочее время все это происходило". В рабочее время, когда два-три часа ночи на самом деле было!» — вспоминает Аслан Хут.

Сторож совхоза в суде подтвердил, что вечером спал на рабочем месте, и грузовика, который Аслан Хут должен был загнать в гараж, не слышал. Совхозный диспетчер настоял на том, что если бы кто-то ночью загонял грузовик внутрь, то он бы услышал бы это, потому что живет в доме напротив.

Сара на процессе не появлялась. Судья назначил принудительный привод. Когда девушка все же пришла, она подтвердила, что с погибшим не была знакома, а с обвиняемыми виделась лишь несколько раз, как и с многими другими молодыми людьми из соседних аулов — о настоящей любви и ревности, способной довести до убийства, речи не шло.

Судья Валентина Андрианова огласила приговор 17 декабря 1974 года. Показания подсудимых о пытках суд счел надуманными с целью уйти от ответственности. При решении коллегия учла смягчающие обстоятельства для Рамазана: чистосердечное признание, деятельное раскаяние и наличие заболевания — туберкулеза легких.

Обвинение в адрес Асланбиа суд переквалифицировал на укрывательство преступления. Хотя статьи у Рамазана и Асланбиа стали одинаковыми, первого коллегия освободила в зале суда с учетом уже отбытого под стражей срока, а второму дала три года общего режима.

Насрудину назначили пять лет колонии.

Аслана Хута приговорили к смертной казни.

После расстрела

Хут оказывается в камере смертников. Смертный приговор отменяют. Но Хута это не спасает.

Хута отправили в камеру для смертников при СИЗО в Краснодаре. «Сидишь и ждешь, казнят тебя, или дадут еще пожить», — вспоминает он.

Вместе с осужденным шофером содержался капитан армии — его к смерти приговорили за тройное убийство, уверяет адыгеец.

«Я ему даже не позволял есть со мной, говорил ему: "Как ты, живой человек, расчленил другого человека, в разные места его части тела разбросал?". Я вроде бы и сам за убийство сидел, но этого человека никак не пойму!» — вспоминает Аслан Хут.

Через месяц прошла апелляция на приговор капитану. Из камеры его вывели. Хут снова остался один.

В феврале 1975 года приговор Хуту отменили в кассационной инстанции Верховного суда РСФСР. Коллегия судей нашла противоречия в показаниях обвиняемых.

«Причины этих противоречий не выяснялись, не давалась этому правильная оценка, а в судебном заседании только лишь оглашались показания, данные на предварительном следствии, — заметили судьи. — Указывая причины и мотивы преступлений, следственные органы и суд пришли к выводу, что убийство было совершено в ссоре из-за Сары Уджуху. Однако отношения между осужденными и потерпевших с Уджуху не исследованы. В приговоре утверждается, что Хут пользовался своей машиной в ночь убийства, однако доказательств этому нет. Коллегия считает существенным нарушением отказ следственных органов от выяснения обстоятельств появления на месте происшествия фуражки. Обстоятельства причинения повреждений в машине убитого Аслана Нехай также не исследованы. Тщательно должны быть исследованы и другие версии убийства потерпевших, которые следствием не проверялись».

Дело вернулось в прокуратуру Адыгеи на следствие. Насрудин, Асланбий и Аслан Хут остались в изоляторе, а Рамазан — на свободе, под подпиской о невыезде. Следствие вверили помощнику прокурора области Анатолию Метову — одному из тех, кто допрашивал Хута в присутствии избивавших его милиционеров через неделю после ареста. К исправлению указанных Верховным судом

недочетов он подошел тщательно, но при этом очень формально.

Когда Метов назначил новую экспертизу по волосам из фуражки выяснилось: вещдок утерян. На допросе следователь Чесебиев пояснил, что волосы так и не были приобщены к делу, поскольку «не имели доказательного значения». Он хранил улику в ведомственной фотолаборатории, а вернувшись из отпуска обнаружил, что в здании прошел ремонт, и вещдок выкинули вместе с мусором.

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Исследование замка совхозного гаража, назначенное Метовым, заключило, что тот находился в исправном состоянии. Отпереть его «подобным ключом или отмычкой могло только лицо, имеющее определенный навык данной работы», отмечалось в экспертизе — то есть без ключей внутрь попасть было нельзя. Это говорили в суде охранник и диспетчер, а ключи были только у последнего.

Других изменений в деле не было. Новых свидетелей милиционеры, чьи коллеги добывали показания пытками, не нашли. Старые свои показания не меняли.

Метов передал дело на новое рассмотрение в июне 1975 года. Второй процесс вела коллегия под председательством судьи Спиридона Кальсина. До того, как в возрасте 49 лет стать судьей, Кальсин на разных должностях — от заместителя политрука до старшего оперуполномоченного — служил в КГБ.

Свидетели и обвиняемые своих показаний не изменили. Единственным новым человеком, вставшим за кафедру суда, стал следователь Чесебиев. «Если бы я пользовался недозволенными методами, то они бы здесь не сидели. Если бы я его ударил, я бы мог убить. Если бы я бил, то бил бы хорошо», — ответил он на вопрос адвоката о том, применялись ли к Хуту недозволенные методы дознания.

Кальсин вынес решение за три заседания. Его огласили 26 июня 1975 года. Менять наказание для подсудимых бывший кгбшник не стал.

Хута вновь приговорили к расстрелу.

Длинноголовый

Казнь Хута заменили на годы в колонии. Там один из заключенных поведал ему такие подробности преступления, о которых никто, кроме самого участника убийства, знать не мог.

Рамазан после приговора стал в ауле изгоем. Многие аульчане, видя его поведение на суде, перестали подавать руки^[25]. Вместе с семьей он переехал в Краснодар.

Второй расстрельный приговор тоже устоял в апелляции, но Аслан Хут продолжал подавать жалобы. В конце августа 1975 года в камеру смертника зашел инспектор. Он сказал, что заключенного зовет начальник тюрьмы.

Вместе с начальником в кабинете оказались еще два инспектора, с которыми Аслан Хут уже успел завязать знакомство за месяцы в камере. С торжественной интонацией они зачитали ему бумагу, присланную из Москвы: Верховный суд РСФСР согласен с оценкой доказательств судом в Майкопе, но сомневается в необходимости применения столь суровой меры наказания.

«Судебная коллегия считает, что исключительная мера наказания судом определена без достаточных к тому оснований, — слушал заключенный. — Хут ранее не судим, положительно характеризуется, занимался общественно-полезным трудом, поэтому, в совокупности со всеми данными, конкретными обстоятельствами дела, судебная коллегия считает, что Хут не представляет исключительной опасности для общества, которая бы влекла применение в отношении Хута смертной казни».

Коллегия решила заменить расстрел лишением свободы на срок в 15 лет^[26].

Когда инспектор закончил читать, Аслан Хут промолчал — не выразил ни радости, ни сожаления.

— Ты что, не слышал? — спросил заключенного начальник колонии.

— Слышал.

— Не понял?

— Понял.

— Может, тебе еще раз зачитать?

— А что я, от радости прыгать должен?

— Обычно у нас, когда заменяют, радуются.

— Так то обычно, а я-то сижу ни за что. Я другого ждал.

— Ну, этого я не знаю.

Хута увезли в колонию общего режима №9 в Хадыженске^[27]. О преступлении, за которое он сидит, шофер предпочитал не распространяться. Исключением стал лишь Юсуф Снахо — сокамерник, с которым Хут сошелся ближе, чем с остальными. Другие заключенные знали лишь статью осужденного.

После одного из вечерних построений в 1976 году, во время прогулки во дворе, между заключенными завязался разговор об их приговорах. Аслан Хут стоял в стороне и молча слушал. Вдруг к нему подошел заключенный из соседнего корпуса, Александр

Кузнецов — худой мужчина с длинной и узкой головой, отбывающий уже не первый свой срок.

«Вот они все за дело, а ты-то сидишь ни за что!» — ухмыляясь, посмотрел он на Хута. Тот опешил, но вида не подал. «Я сижу за дело, что сделал, за то и сижу, тебе-то что!» — бросил он.

Тогда Кузнецов стал перечислять подробности убийства на проселочной дороге, о которых знать никак не мог. Вспомнил точное место убийства. Примерный рост погибших. Одежду, в которой те были. Упомянул ручку стартера. Назвал примерное время смерти аульчан.

Наблюдавший за разговором сокамерник Аслана Хута Снахо не верил своим ушам, переводя взгляд то на него, то на Кузнецова. Прозвучал свисток инспектора. Заключенных развели по баракам.

Хут был растерян. Посоветовавшись со Снахо, он рассказал о случившемся знакомому арестанту, который сидел в Хадыженске уже давно. Тот пообещал связать его с юристом, работавшим в колонии.

На состоявшейся еще через несколько месяцев встрече с Хутом юрист рассказал, что, по его данным, длинноголовый Кузнецов действительно писал явку с повинной, в которой признавался в участии в убийстве Аслана Нехая и Юсуфа. Юрист посоветовал заключенному дожждаться, когда явка приведет к какому-нибудь решению, и назвал свой прогноз — на это уйдет не меньше полугода.

Через несколько месяцев Аслан Хут узнал, что юрист перестал приходить в колонию. Вскоре исчез из вида и Кузнецов — его перевели в колонию-поселение.

В июне 1978 года, когда Асланбий Нехай уже вышел из-под стражи, на дело Хута обратил внимание заместитель председателя Верховного суда РСФСР Валентин Шубин. Он внес в президиум суда протест в порядке надзора.

В документе Шубин указал, что милиционеры Хурай и Хуако принимали активное участие непосредственно в расследовании, чем серьезно нарушили УПК. Именно они, а не следователь, проводили задержание и допросы аульчан, впоследствии ставших обвиняемыми, без какого-либо процессуального оформления и достаточных оснований. Провел Шубин и детальный разбор доказательств, которые следствие положило в основу обвинения.

Из протеста зампреда Верховного суда РСФСР Валентина Шубина:

«Как, когда и при каких обстоятельствах Хут взял машину из гаража и поставил ее обратно — **приговором не установлено**. Руководствуясь показаниями Нехай Рамазана, суд признал установленным, что Хут нанес Юсуфу один удар ножом в живот и убил его. Между тем, из акта исследования трупа установлено, что у потерпевшего также имелись повреждения на лбу, носу, щеке, подбородке — всего 25 ссадин. Рамазан и суд в приговоре не

утверждают, что эти телесные повреждения ему нанес Хут. **Кто их нанес — не выяснено.** Не выяснено также, кто нанес повреждения в салоне автомобиля. Пытаясь как-то объяснить наличие этих повреждений в машине и повреждений на теле Юсуфа, органы следствия исходили из того, что тот мог двигаться самостоятельно в течение какого-то времени после нанесения удара ножом. **Несостоятельность подобного утверждения очевидна.** Кроме того, установлено, что заводная ручка находилась от трупа Нехай Аслана в двух метрах и 20 сантиметрах, **в связи с чем неясно,** как и при каких обстоятельствах на заводную ручку могла попасть кровь Нехай Аслана. Эти вопросы **подлежат выяснению** в ходе нового расследования».

Судья попросил отменить приговор и отправить дело на новое рассмотрение, но коллеги по президиуму оставили протест без удовлетворения. На решение им понадобилось лишь две недели.

Шли годы. Хут не переставал писать жалобы во всевозможные органы. Он дотошно указывал на недостатки следствия и собственную невиновность, но безрезультатно.

В конце 70-х рабочие ремонтировали гравийную автодорогу Энем — Белореченск. Неподалеку от поворота на аул Вочепший они нашли нож необычной формы. Зная, что здесь произошло убийство, отнесли находку в милицию. Реакции не последовало. Тогда пожилой отец Хута пошел в прокуратуру.

«Ему сказали: приговор вынесен, чтобы экспертизу по этому новому ножу делать, нам нужно открыть расследование, а для этого отменить приговор. Вот иди, объясняй это все в Москве, если они приговор отменят, то сделаем экспертизу, а если не успеешь — то уничтожим его, у нас срок хранения холодного оружия один месяц, — вспоминает теперь брат Аслана Хута Руслан. — А у нас денег тогда не было. Приговор, конечно, не отменили, да и бумагу нам по этому поводу никакую не дали, то есть сейчас даже нет доказательств, что этот нож существовал».

Спустя 11 лет после вынесения приговора Хут подал прошение о переводе в колонию-поселение — освободиться условно-досрочно по этой статье было невозможно. В зале суда заключенный увидел Бамбета Жане, который участвовал в коллективном допросе через неделю после ареста вместе со своим коллегой Метовым и с самого начала грозил шоферу казнью.

К тому времени Жане стал прокурором по надзору. Прежде чем войти в зал, осужденный одернул сопровождавшего его начальника спецчасти.

— Я не пойду, — сказал Хут.

— Это почему?

— Там тот прокурор, который меня расстрелять просил. Он меня не пропустит все равно.

— Не обращай внимания, там прокурор роли не играет, все уже заранее решено.

Заключенный наблюдал за прокурором Жане на протяжении всего заседания, пытаясь поймать его взгляд. Тот ни разу не посмотрел.

Ходатайство о переводе в колонию-поселение судья не удовлетворил.

Свобода

Хут выходит из колонии и находит доказательство того, что явка с повинной Кузнецова действительно существовала. Но к реабилитации это не приводит.

В том же 1986 году Хута вызвал начальник спецчасти колонии. Он зачитал пришедший из Москвы отказ на одну из многочисленных жалоб. Когда Хут уже собирался выходить из кабинета, его окликнул^[28] случайно оказавшийся там заместитель начальника колонии, майор Алексей Лысенко.

Услышав содержание жалобы, он действительно вспомнил, что десятью годами ранее принимал от одного из осужденных — того самого длинноголового Кузнецова — явку с повинной, где тот подробно рассказывал об убийстве. Затем майор передал документ в тот же РОВД по Теучежскому району, но вскоре получил ответ: «Содержание явки с повинной рассмотрено, однако виновные в совершении данного преступления уже несут ответственность».

Иллюстрация: Мария Толстова / Медиазона

Освободился Хут лишь в 1987 году: страна торжественно отмечала 70-летие революции, и ему скостили год лишения свободы.

«Я все это время в колонии работал, только три года отсутствовал, потом стал начальником оперчасти, — вспоминает Лысенко. — Хут вел себя изумительно — ну нормальный такой мужик, порядочный. Я очень удивился, когда узнал, за что он осужден, и до сих пор в душе уверен, что он это преступление не совершал, что кто-то очень красиво на него стрелки перевел, хотя я с ним это и не обсуждал. Вот есть убийцы, и я их, поверьте, в жизни повидал столько, что уже могу отличить, портрет составить. И он под этот портрет ну никак не попадает — спокойный, порядочный, сдержанный, опрятный. Разные ситуации в колонии бывали, и всегда он себя держал в руках».

После освобождения Хут вернулся в родительский дом в Вочепшем. Первым делом уже 36-летний мужчина устроился на ту же работу, которая была у него до приговора, в 22 года — шофером.

Вскоре он приехал в Хадыженск, чтобы повидаться с Лысенко. Тот объяснил, что явку с повинной так и не удалось найти — в архивах она не сохранилась. Тогда осужденный попросил майора написать хоть какой-то документ, подтверждающий, что явка действительно была. Майор написал:

«Справка. Мною, майором Лысенко, в 1976 году принималась явка с повинной от осужденного Кузнецова, в которой он полностью излагал события преступления, по которому был осужден Хут. Данная явка с повинной была направлена в Теучежский РОВД для проверки. Кузнецов знал об истинных лицах, совершивших преступление. Прокуратурой Теучежского района и области не была осуществлена проверка явки с повинной Кузнецова, она ограничилась ответом, что виновные в этом преступлении уже несут ответственность. Журнал исходящих документов за истечением срока давности был уничтожен. Установить срок отправки явки с повинной не представилось возможным».

Из интервью с майором Лысенко:

«Таких явок у нас была целая куча — как правило, они не подтверждались, просто осужденные писали их, чтобы попасть в СИЗО, поэтому ничего удивительного, что на нее никто не обратил внимания. Да и времена были такие, за всем плохо следили. Вот приходит этап осужденных ко мне, смотрим личное дело — а там осужденный, которому приговор был вынесен восемь лет назад, а в колонию он только сейчас попал. А как так, спрашиваем, тебя ж конвой должен был в камеру

отправить? "Да ну как, осудили, все собрались и ушли. Я посидел-посидел, развернулся, **да и тоже домой пошел**". Вот такие вещи в Адыгее случались тогда».

Хут попросил от руки написать записку и бывшего сокамерника Снахо. Тот написал, что действительно был свидетелем разговора с Кузнецовым, в котором он рассказывал об убийстве. Обе справки-записки осужденный отправил вместе с очередной жалобой в Генпрокуратуру. Ответа не было. В 1988 году Хут написал письмо в президиум Верховного совета СССР с просьбой разрешить ему покинуть Советский Союз. Проигнорировали его и там.

Из письма Аслана Хута в президиум Верховного совета СССР:

«Я был осужден за преступление, которого не совершал. [Мне] дважды выносили смертную казнь. Я отбыл 15 лет в колонии усиленного режима. Все эти годы я обращался во всевозможные инстанции с жалобами, просьбами разобраться в этом, установить единственно возможную правду. Ответов бездушных, копирующих друг друга, накопилось не один и не два десятка. После освобождения я трижды ездил в Москву, занимая деньги на дорогу — на приемы в прокуратуру, в Верховный суд, в ЦК КПСС. И снова эти органы власти именем закона подтвердили незаконный приговор. У меня нет сил бороться с этой бюрократической системой. Это я окончательно понял во время просмотра телепередачи со съезда народных депутатов. Я

очень люблю свой аул, Адыгею, до боли знакомые, родные места. Здесь мой корень, здесь я родился, сделал первый шаг, но, тем не менее, не могу жить здесь, подчиняясь тем законам, которых я уже не уважаю и к которым потерял веру. Прошу удовлетворить мою просьбу»

Погрузившись в работу, Хут убедил себя в том, что рано или поздно прокуратура и другие правоохранительные органы без его участия найдут Кузнецова.

Тогда энтузиастом поисков Кузнецова стал младший брат осужденного — Руслан. В 2005 году через общих знакомых братьям все же удалось выйти на семью «длинноголового» — оказалось, что та жила в станице Рязанская, в 40 километрах от Вочепшего.

Дверь квартиры в пятиэтажке, вспоминает Аслан, открыл брат Кузнецова. Он рассказал, что родственник сидел еще много раз после срока, который отбывал в Хадыженске, но никогда за убийство, а умер за три года до визита.

Об убийстве на проселочной дороге родственник заключенного ничего не слышал. На прощание он подарил гостям старую фотографию Кузнецова. Хут до сих пор возит ее в бардачке.

«Длинноголовый» Александр Кузнецов — в первом ряду второй справа, в фуражке. Фото: личный архив Аслана Хута

Прокуратура долгие годы не могла решить — была ли вообще явка с повинной Кузнецова или нет? В ответе от 1985 года прокуратура Адыгейской области уверяла, что начальник колонии сообщил, будто от осужденного Кузнецова никаких явок с повинной не поступало. Такой же ответ приходил и из прокуратуры СССР в 1988 году. В одном из ответов более позднего периода и вовсе говорилось, что осужденный Кузнецов в колонии в Хадыженске в 1976 году наказание не отбывал.

Эта переписка с перерывами, которые иногда длились годами, продолжается до сих пор — теперь уже с прокуратурой не Адыгейской автономии, а республики Адыгея, в составе не СССР, а Российской Федерации. Все эти годы братьям Хут приходили отписки, которые они складывали в толстую папку: в большинстве говорится, что «организована проверка,

которая до настоящего времени не завершена, о результатах будет сообщено дополнительно».

Первый внятный ответ за долгие годы пришел из республиканской прокуратуры лишь в июне 2015 года: майор Лысенко говорит, что лишь тогда его впервые допросили по поводу явки с повинной Кузнецова. В нем представитель ведомства в размытых формулировках сообщал, что люди, указанные Хутом в его обращениях, все же были опрошены.

«Из объяснения Лысенко следует, что он принимал явку с повинной от осужденного. В [ней] осужденный сообщил, что владеет сведениями об обстоятельствах совершения убийства двух лиц, однако не сообщил каких-либо подробностей о преступлении, — говорилось в ответе начальника уголовно-судебного отдела прокуратуры республики. — Из объяснения [сидевшего вместе с Хутом Снахо] следует, что [к нему] обращался осужденный по фамилии Кузнецов, который сообщил о том, что владеет информацией об обстоятельствах совершения убийства двух лиц. В соответствии с информацией отдела МВД "Адыгейский" (ранее — Теучежский РОВД) — орган внутренних дел не располагает сведениями о поступлении в 1976 году в Теучежский РОВД явки с повинной осужденного Кузнецова. При проверке ваших обращений не получено сведений о возможной причастности к преступлению иных лиц. Кроме того, не установлено новых или вновь открывшихся обстоятельств, неизвестных суду на момент рассмотрения уголовного дела по существу».

«Блеф и абсурд прокуратуры Адыгеи! Наглая ложь!» — написал Хут карандашом рядом с подписью прокурора.

Эпилог

Совхозного гаража в ауле уже давно нет — сейчас там стоит обелиск погибшим во время Великой Отечественной. Нет и почти всех участников истории, развернувшейся вокруг убийства на проселочной дороге.

Рамазан, «лжесвидетель», после освобождения из аула уехал. После приговора они виделись лишь однажды — на похоронах одного из аульчан — и руки друг другу не подали. «Мне с ним и не о чем говорить — он просто меня хотел убить, ни за что. Но объяснить я ему ничего не собирался — думаю, до него и так дошло, как он поступил», — говорит Аслан Хут. Когда Хут уже вышел на свободу, Рамазана сбила машина. Сейчас в доме погибшего живет семья, с ним не связанная.

Насрудин погиб за рулем мотоцикла в начале 1990-х.

Асланбий Нехай скончался в 2013 году — из-за проблем с сердцем. Ему было 60 лет.

Милиционер Хуако умер от продолжительной болезни.

Наконец, в 1995 году скоропостижно скончался и следователь Чесебиев. Его придавило бетонной плитой^[29], которую перевозила грузовая машина.

В 2018 году на сайте прокуратуры Адыгеи была опубликована [заметка](#) о Чесебиеве за подписью старшего советника юстиции по фамилии Псеуш — согласно ей, после вынесения приговора Хуту он еще десять лет работал следователем, затем — помощником межрайонного прокурора, затем — снова следователем.

Из воспоминаний прокурора Псеуша о следователе Чесебиеве:

«Следователем он был хорошим. О его работоспособности ходили легенды. Я лично был свидетелем одной из них. Как-то осенью 1994 года, когда я работал прокурором Красногвардейского района, Заурбий Багарсукович приехал ко мне и попросил меня обеспечить ему явку в нашу прокуратуру 50 свидетелей по расследуемому им уголовному делу по умышленному убийству. Каково было его удивление на следующий день, когда он увидел, что все свидетели явились. В кабинете нашего следователя Заурбий Багарсукович в течение **одного дня** допросил всех этих **50 свидетелей**. Это было **невероятно**, но факт, что, в свою очередь, удивило уже меня».

В октябре 2016 года, на 82-м году жизни, скончалась бывшая судья Валентина Андрианова, первая приговорившая Хута к расстрелу. Она проработала судьей до 1981 года, а затем стала адвокатом. Свой адвокатский статус она не прекращала до самой смерти, [получив](#) звание «Заслуженный

юрист республики Адыгея» и «Почетный адвокат республики Адыгея».

Нет в живых и прокурора Жане: он работал в надзорном ведомстве до 1998 года, а умер в середине 2010-х.

Найти информацию о делах с участием приговорившей Хута к расстрелу бывшей судьи Андриановой в качестве защитника в открытых источниках «Медиазоне» не удалось, за исключением одного: в 2008 году бывшая судья представляла интересы обвиняемого по статье 282 УК^[30] ультраправого первокурсника Виктора Милькова, выложившего в «Живой журнал» видеоролик «Казнь таджика и дага».

Андрианова настаивала на оправдании Милькова, поскольку судили его не за убеждения, а лишь за распространение ролика, который и до него «гулял по интернету». «Поэтому не надо все сваливать в одну кучу, чтобы его чуть ли не четвертовать на площади. [Почему] прокурор настаивает на наивысшем наказании, предусмотренной этой статьей? Для исправления обвиняемого достаточно судебной нервотрепки и приговора предыдущего суда», — недоумевала она.

В 1992-м Аслан Хут женился, его супруга умерла в прошлом году. Детей у пары не было: как поясняет брат, «очень хорошо поработали над ним следственные органы».

«Всех бог к себе забрал раньше чем меня, — говорит Хут. — Все хотели меня расстрелять именем закона, а сами не выжили. Они все ушли, а я все живой. Хотя и больной. Наверное, потому что у меня цель есть — я хотел и хочу дожить, чтобы сняли это обвинение с меня. На суде, когда я рассказывал об их зверствах, прокурор Жане говорил нам: "Зачем он себя оговорил в таком страшном преступлении, у нас в войну ведь люди и не такое выдерживали!". Вот его аргумент был — раз не выдержал, значит, правда. Конечно, я и себя считаю виноватым — я смалодушничал. Не убили бы, наверное, если б не дал явку».

«Конечно, надо было терпеть. Но в 22 года — кто ты?» — добавляет он.

Жива ли еще Сара, он не знает. В ее доме «Медиазоне» никто не открыл.

Редакторы: Дмитрий Ткачев, Дмитрий Трещанин

-
1. Выходившая до 1980 года юмористическая передача. Действие разворачивалось в студии, стилизованной под польское кафе.
 2. Модель грузовика в деле ни разу не уточняется, судя по фото, это выпускавшийся с 1962 года ЗИЛ-130.
 3. Мухдина Нехая.
 4. Мос Пшидаток.
 5. Аскер Нехай.
 6. ВАЗ-2101.
 7. Сусанну Хут.
 8. Махмутом Темировым.
 9. «Головой, четырьмя частями тела полюбил».
 10. По УПК РСФСР заключить под стражу мог не только суд, но и прокурор, следователь или даже дознаватель.

11. Пункт 3 статьи 102 УК РСФСР.
12. Отдел милиции района, к которому относятся аулы Понежукай и Вочепший.
13. Записи не сохранились.
14. Камера предварительного задержания, в случае Теучежского РОВД находилась в здании отдела милиции. Сейчас используется аббревиатура ИВС — изолятор временного содержания.
15. Бамбет Жане.
16. Анатолий Метов.
17. Кермет Хуако.
18. Юнус Хурай.
19. Тогда — административный центр Адыгейской автономной республики, сейчас — столица Адыгеи.
20. Следует из протокола допроса, в ходе которого обвиняемый отказался от признаний.
21. Пункт «з» статьи 102 УК РСФСР.
22. Статья 17, пункт «з» и статья 102 УК РСФСР.
23. Статья 190 УК РСФСР.
24. Цитаты приводятся из протоколов судебных заседаний.
25. Изложенные в этой главе цитаты и события приводятся по воспоминаниям Хута; остальные их участники уже мертвы.
26. Принятый в 1960 году УК РСФСР (и аналогичные кодексы других республик) определял максимальный срок наказания 15 лет лишения свободы.
27. Город в Краснодарском крае.
28. Изложенные в этой главе события приводятся по воспоминаниям Хута и самого Лысенко.
29. О времени и обстоятельствах гибели этих людей «Медиазоне» рассказал сам Хут, а глава Вочепшего Аслан Пшедаток, уточнив у членов совета старейшин аула, подтвердил его слова.
30. Возбуждение ненависти либо вражды.